

*Посвящается моей бабушке
Бетти Макки*

Глава 1

Здоровяк в дальнем углу бара обливается потом. Он сидит, низко склонившись над стаканом с двойным виски, и то и дело оглядывается на дверь. В безжалостном электрическом свете его покрытое испариной лицо влажно блестит. Он маскирует прерывистое дыхание тяжелыми вздохами и снова возвращается к своему напитку.

— Эй, можно вас?

Я поднимаю глаза от бокала, который старательно вытираю.

— Нельзя ли повторить?

Мне хочется сказать ему, что это не самая хорошая идея и выпивка вряд ли поможет. От нее будет только хуже. Но он крупный парень, до закрытия осталось пятнадцать минут, и по правилам нашей компании я не могу отказать клиенту. Поэтому я подхожу к нему, забираю его стакан и подношу к глазам. Он кивает на бутылку.

— Двойной, — говорит он, смахивая мясистой рукой пот с лица.

— Семь фунтов двадцать пенсов, пожалуйста.

Вечер вторника, без четверти одиннадцать, место действия — ирландский тематический паб в аэропорту Лондон-Сити под названием «Шемрок и кловер», который имеет такое же отношение к Ирландии, как Махатма Ганди. Бар закрывается через десять минут после отправления последнего самолета, и на данный момент, кроме меня, здесь только серьезный молодой человек с ноутбуком, две веселые дамочки за столиком номер два и мужик с двойным «Джемисоном» — пассажиры задерживающихся на сорок минут рейсов SC 107 на Стокгольм и DB 224 на Мюнхен.

Я на боевом посту начиная с полудня, так как у моей сменщицы Карли прихватило живот и она отпросилась домой. Вообще-то, я не против. Я спокойно задерживаюсь допоздна. Тихонько мурлыча себе под нос мелодию из «Кельтских свирелей Изумрудного острова», выпуск третий, я подхожу к столику номер два забрать стаканы у женщин, рассматривающих подборку фото на телефоне. Судя по несдержанному смеху, обе под хорошим градусом.

— Моя внучка. Пять дней от роду, — сообщает мне высокая блондинка, когда я наклоняюсь за ее стаканом.

— Прелесть, — улыбаюсь я.

Все младенцы для меня на одно лицо.

— Она живет в Швеции. Я там еще ни разу не была. Как-никак, но все же надо повидаться со своей первой внучкой, а?

— Мы обмываем ножки малышки. — (Очередной взрыв хохота.) — Может, выпьете с нами за ее здоровье? Ну давайте же! Расслабьтесь хоть на пять минут. Вдвоем нам эту бутылку ни за что не осилить.

— Упс! Нам пора! Пошли, Дор.

Увидев сообщение на табло, они собирают пожитки и нетвердой походкой, что заметно, наверное, только мне, направляются к выходу.

Я убираю их стаканы на барную стойку и зорко оглядываю зал в поисках грязной посуды.

— Неужели вам никогда не хотелось? — Женщина, что пониже, оказывается, вернулась за паспортом.

— Простите?

— После окончания смены пройти вместе со всеми на посадку. Сесть на самолет. Мне бы точно хотелось. — Она снова смеется. — Каждый чертов день, будь он неладен!

Я отвечаю им профессиональной улыбкой, способной скрыть что угодно, и поворачиваюсь к барной стойке.

А вокруг уже вовсю закрываются на ночь магазины беспощинной торговли, опускаются стальные жалюзи, пряча от посторонних глаз дорожные сумки и шоколадки «Тоблерон» для экстренных подарков. Мерцают и потихоньку гаснут огни у выходов 3, 5 и 11, направляющих в ночное небо последних путешественников. Конголезка Вайолет, местная уборщица, слегка раскачиваясь при ходьбе и поскрипывая резиновыми подошвами туфель, толкает мне навстречу по сияющему линолеуму свою тележку.

— Вечер добрый, дорогуша.

— Вечер добрый, Вайолет.

— Милочка, не дело засиживаться здесь допоздна. Тебе надо быть дома рядом с теми, кого любишь, — каждый раз слово в слово повторяет она.

— Да нет, сейчас не так уж и поздно, — каждый раз слово в слово отвечаю я.

Она одобрительно кивает и катит тележку дальше.

Серьезный Молодой Человек с Ноутбуком и Потный Любитель Скотча ушли. Я заканчиваю со стаканами и закрываю кассу, дважды пересчитывая деньги, чтобы наличность в кассе совпала с пробитыми чеками. Я делаю пометки в гроссбухе, проверяю пивные насосы, отмечаю продукты, требующие дозаказа. И тут неожиданно обнаруживаю куртку толстяка на барном стуле. Подхожу поближе и поднимаю глаза на монитор. Ага, вот-вот начнется посадка на рейс до Мюнхена, если я, конечно, готова бежать за владельцем куртки. Я снова смотрю на монитор и медленно подхожу к мужскому туалету.

— Эй! Есть кто-нибудь?

Голос, что слышится в ответ, слегка задушенный, с истерическими нотками. Толстяк, низко склонившись над раковиной, плещет себе в лицо водой. Вид у него — краше в гроб кладут.

— Что, уже объявили посадку на мой рейс?

— Посадка только начинается. У вас еще в запасе пара минут.

Я собираюсь уходить, но что-то меня останавливает. Мужчина буравит меня горящими от волнения бусинками глаз. Затем качает головой.

— Нет, я не могу это сделать, — говорит он, хватая бумажное полотенце и вытирает лицо. — Не могу подняться на борт самолета. — (Я терпеливо жду.) — Мне надо лететь на встречу с новым боссом, а я не могу. И я не решился сказать ему, что боюсь самолетов. — Он покачал головой. — Ужасно боюсь.

Я закрыла за собой дверь.

— А в чем заключается ваша новая работа?

— Э-э-э... — моргает он. — Автозапчасти. Я новый старший менеджер по запчастям для тормозов в «Хант моторс».

— Похоже, классная работа. Значит, у вас есть... тормоза.

— Я уже давно в этом деле. — Он с усилием сглатывает. — Вот почему я не хочу сгореть в огненном шаре. Я реально не хочу сгореть в парящем в воздухе огненном шаре.

Меня так и подмывает сообщить ему, что это будет скорее падающий, нежели парящий в воздухе огненный шар, но я вовремя прикусываю язык. Он снова споласкивает водой лицо, и я подаю ему еще одно бумажное полотенце.

— Благодарю. — Он опять прерывисто вздыхает и выпрямляется, явно пытаясь взять себя в руки. — Спорим, вам еще не доводилось видеть, чтобы взрослый мужик вел себя как форменный идиот, да?

— По четыре раза на дню. — (Его крошечные глазки становятся совсем круглыми.) — По четыре раза на дню мне приходится выуживать кого-нибудь из мужского туалета. А причина у всех одна: боязнь летать. — (Он удивленно моргает.) — Но, видите ли, как я не устаю повторять, ни один самолет, вылетевший из этого аэропорта, еще ни разу не потерпел крушения.

От неожиданности мужчина даже втягивает шею в воротничок рубашки.

— Да неужели?

— Ни один.

— И даже никакой... самой маленькой аварии на взлетной полосе?

Я решительно качаю головой:

— На самом деле здесь тоска зеленая. Люди улетают по своим делам и через пару дней возвращаются. — Я спиной пытаюсь открыть дверь. К вечеру в этих уборных запашок ой-ей-ей. — Да и вообще, лично я считаю, что с вами могут случиться вещи и похуже этого.

— Ну, полагаю, вы правы. — Он обдумывает мои слова и осторожно косится на меня. — Значит, четыре раза на дню, так?

— Иногда даже чаще. А теперь, с вашего позволения, мне действительно пора назад. А то, не дай бог, решат, будто я что-то зачистила в мужскую уборную. — (Он улыбается, и я вижу, каким он может быть при других обстоятельствах. Энергичный человек. Жизнерадостный человек. Человек, отлично руководящий поставками импортных автозапчастей.) — Знаете, мне кажется, уже объявили посадку на ваш рейс.

— Так вы считаете, со мной все будет в порядке.

— С вами все будет в порядке. Это очень безопасная авиалиния. Считайте, что вы просто вычеркнули из жизни пару часов. Смотрите, SK 491 приземлился пять минут назад. И когда вы пойдете к нужному вам выходу, то непременно встретите стюардов и стюардесс с прибывшего борта. Вот увидите, они будут беззаботно смеяться и болтать, ведь для них полет на самолете — все равно что поездка на автобусе. Некоторые из них делают по два, три, четыре рейса в день. Они ведь не полные идиоты. Если бы было небезопасно, стали бы они рисковать, а?

— Все равно что поездка на автобусе, — повторяет он за мной.

— Только гораздо более безопасная.

— Это уж точно. — Он поднимает брови. — На дороге полным-полно придурков. — Я киваю, а он поправляет галстук. — И это классная работа.

— Стыд и позор, если вы упустите ее из-за такой ерунды. Главное — сделать первый шаг, а потом вы привыкнете.

— Очень может быть. Благодарю вас...

— Луиза, — подсказываю я.

— Благодарю вас, Луиза. Вы очень добрая девушка. — Он вопросительно смотрит на меня. — А как насчет того... чтобы вы согласились... как-нибудь со мной выпить?

— Я слышу, объявляют посадку на ваш рейс, сэр. — Я открываю дверь, пропуская его вперед.

Он кивает и, чтобы скрыть неловкость, с шумом хлопает себя по карманам:

— Все верно. Конечно. Ну... я пошел.

— И не забывайте о тормозах.

А буквально через две минуты после его ухода я обнаружила, что он заблевал третью кабинку.

Домой я возвращаюсь в четверть второго. Стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале лифта, я захожу в притихшую квартиру. Переодеваюсь в пижамные штаны и толстовку с капюшоном, открываю холодильник, достаю бутылку белого вина, наливаю в бокал. Вино такое кислое, что больно губам. Изучив этикетку, я понимаю, что забыла заткнуть бутылку пробкой, но затем решаю особо не заморачиваться по этому поводу и с бокалом в руке плюхаюсь в кресло.

На каминной доске две открытки. Одна — поздравление с днем рождения от родителей. «Лучшие пожелания» от мамы для меня точно нож острый. Вто-

рая открытка от сестры. Сестра сообщает, что собирается приехать с Томасом на уик-энд. Открытка шестимесячной давности. На автоответчике два сообщения. Одно от дантиста, другое — нет.

Привет, Луиза. Это Джаред. Мы встречались в «Грязной утке». Ну, мы с тобой тогда еще перепихнулись. (Сдавленный неловкий смехок.) Это было... ну ты понимаешь... В общем, мне понравилось. Как насчет того, чтобы повторить? У тебя есть мои координаты.

Когда в бутылке ничего не остается, я прикидываю, не сбегать ли за новой, но очень не хочется выходить из дому. Не хочется в очередной раз выслушивать шуточки Самира из круглосуточного магазинчика насчет моего пристрастия к «Пино гриджио». Да и вообще, не хочется ни с кем разговаривать. Внезапно на меня накатывает смертельная усталость, но при этом я настолько перевозбуждена, что даже если и лягу в постель, то все равно не усну. Я вдруг вспоминаю о Джареде, в частности о том, что у него странная форма ногтей. И с чего это меня вдруг стали волновать чьи-то странные ногти? Я обвожу глазами голые стены гостиной и неожиданно понимаю, что мне срочно нужно на свежий воздух. Реально нужно. Я поднимаю в коридоре окно и неуверенно карабкаюсь по пожарной лестнице на крышу.

Когда девять месяцев назад я появилась в этом доме, риелтор показал мне устроенный предыдущими жильцами террасный садик с тяжелыми кадками для растений и маленькой скамейкой.

«Естественно, официально сад не может считаться вашим, — сказал он. — Но только из вашей квартиры

имеется выход на крышу. По-моему, очень даже мило. Вы даже сможете устраивать здесь вечеринки».

Растения давным-давно засохли и погибли. Что ж, я действительно не умею ухаживать за вещами. И вот я стою на крыше и смотрю на подмигивающую мне лондонскую тьму. Миллионы людей вокруг меня живут своей жизнью: едят, ссорятся и так далее. Миллионы жизней, протекающих отдельно от моей. Странный непрочный мир.

Звуки ночного города пронизывают воздух, мерцают натриевые фонари, режут моторы, хлопают двери. В нескольких милях к югу слышится отдаленный гул полицейского вертолета, обшаривающего лучом прожектора местный парк в поисках очередного негодяя. А где-то вдаль воеет сирена. Вечная сирена. «Вы очень быстро почувствуете себя здесь как дома», — сказал мне тот риелтор. Я чуть было не расхохоталась ему прямо в лицо. Как тогда, так и сейчас, город казался мне чужим и враждебным.

После секундного колебания я ступаю на карниз, раскинув в сторону руки, как подвыпивший канатоходец. Я иду по бетонному выступу шагом «пятка к носку», а легкий ветерок щекочет волоски на руках. Переехав в эту квартиру, я в трудные минуты жизни иногда решалась пройти по карнизу вдоль всей квартиры. И в конечной точке громко смеялась, глядя в ночное небо. *Вот видишь? Я здесь — по-прежнему живая — прямо на краю. Я делаю то, что ты мне велел!*

Это стало моей тайной привычкой. Я, небесная линия города, уютный покров темноты, абсолютная анонимность и осознание того, что здесь никто не знает, кто я такая. Я поднимаю голову, ветер овеивает лицо, внизу слышится чей-то смех, потом — звук раз-

бившейся бутылки, по дороге змеится вереница машин, бесконечная красная лента габаритных огней, похожая на поток крови. Здесь всегда плотное движение, не говоря уже о шуме и сутолоке. Единственные более-менее спокойные часы — наверное, с трех до пяти утра, когда все пьяные уже завалились в кровать, повара из ресторанов сняли белые фартуки, а в пабах заперли двери. Тишину этих предрассветных часов время от времени нарушает шум проезжающих мимо автоцистерн, открывающейся на заре еврейской булочной дальше по улице и фургончиков развозчиков газет, которые бросают толстые кипы на тротуар. Я в курсе всех малейших движений города, потому что в этот час я не сплю.

Ну а пока город еще гудит. В «Белой лошади» гуляют засидевшиеся после закрытия хипстеры и жители Ист-Энда, кто-то громко ссорится на улице, а на другом конце Лондона городская больница общего профиля принимает больных, раненых и тех, кто с трудом продержался до утра. Но здесь, наверху, есть только воздух и темнота, и где-то высоко в небе совершает рейс Лондон—Пекин грузовой самолет службы «Федекс», а миллионы путешественников вроде мистера Любителя Скотча летят навстречу неизвестности.

— Восемнадцать месяцев. Целых восемнадцать месяцев. Так когда же все это закончится? — бросаю я в темноту. Ну вот, началось. Я чувствую, как во мне снова мутной волной вскипает непрошенная злость. Делаю пару шагов вперед, глядя себе под ноги. — Потому что это не похоже на жизнь. Это вообще ни на что не похоже. — Два шага. Еще два. Сегодня я дойду до угла. — Ты не дал мне чертовой новой жизни, раз-

ве не так? Конечно нет. Ты только сломал мою прежнюю жизнь. Разломал на мелкие кусочки. И что мне теперь делать с тем, что осталось? Когда я начну чувствовать... — Я раскидываю руки, покрытые от холодного воздуха мурашками, и понимаю, что снова начинаю плакать. — Будь ты проклят, Уилл! Будь ты проклят за то, что покинул меня!

Тоска накатывает приливной волной. Мощной, всепоглощающей. И когда я уже готова погрузиться в нее с головой, внезапно мне слышится чей-то голос:

— Не думаю, что вам следует тут стоять.

Я поворачиваюсь и вижу у пожарного выхода чье-то бледное личико, распахнутые темные глаза. От неожиданности я теряю равновесие, нога соскальзывает с карниза, тело всей тяжестью кренится в опасную сторону. Сердце падает куда-то вниз, а за ним — и я сама. И потом, точно в ночном кошмаре, я, совсем невесомая, лечу в темную пропасть ночи, ноги оказываются выше головы, я слышу пронзительный крик, возможно, свой собственный...

Треск...

И чернота.

Глава 2

— Как тебя зовут, милая?
На шее фиксирующий воротник.
Чья-то рука осторожно ощупывает мою несчастную голову.

Я жива. Что на самом деле крайне удивительно.

— Вот так-то. Откройте глаза. А теперь посмотрите на меня. Посмотрите на меня. Вы можете назвать свое имя?

Я пытаюсь говорить, открыть рот, но мой голос получается каким-то сдавленным и абсолютно неразборчивым. Наверное, я прикусила язык. Во рту у меня кровь, теплая, с металлическим привкусом. Я не в состоянии пошевелиться.

— Мы сейчас положим вас на специальную доску, хорошо? Будет немножко неудобно, но я вколю вам морфин, чтобы было легче переносить боль.

Голос мужчины звучит спокойно, словно нет ничего ненормального в том, что я лежу, как сломанная кукла, на холодном бетоне, устремив глаза в сумрачное небо. Мне хочется смеяться. Хочется объяснить им, какая нелепица, что я лежу здесь. Но я всего-навсего

очередная понтырщица в пижамных штанах, у которой все, кажется, пошло наперекосяк.

Лицо мужчины исчезает из поля зрения. Надо мной склоняется женщина в светоотражающей куртке, кудрявые темные волосы затянуты в хвост. Женщина направляет тонкий луч фонарика прямо мне в глаза и смотрит на меня с таким бесстрастным интересом, словно я не человек, а неизвестная науке особь.

— Мы можем ее увозить?

Я хочу что-то сказать, но меня отвлекает боль в ногах. Господи, говорю я, но не уверена, что произношу это вслух.

— Зрачки в норме и реагируют. Давление в норме, пульс девяносто при норме шестьдесят. Ей повезло, что она упала на тот тент. Интересно, насколько велики шансы приземлиться на шезлонг?.. Хотя мне не нравятся ушибы. — (Поток холодного воздуха на талии, легкое прикосновение прохладных пальцев...) — Внутреннее кровотечение?

— Нужна вторая бригада?

— Не могли бы вы немного отойти, сэр? Чуть-чуть назад?

Мужской голос:

— Я вышел перекурить, и она шлепнулась прямо на мой чертов балкон. Еще немножко — и свалилась бы на мою чертову голову.

— Значит, вам крупно повезло. А вот ей нет.

— Я до сих пор не могу оправиться от потрясения. Не так уж часто прямо с чертова неба на вас падают люди. Посмотрите на мое кресло. Я купил его за восемьсот фунтов в магазине у Конрана... Как думаете, я могу предъявить за него иск?

Короткая пауза.

— Как вам будет угодно, сэр. Я вам вот что скажу. Вы можете выставить ей счет за то, что пришлось отмывать ваш балкон от крови. И как вам такая идея?

Медик переводит глаза на коллегу. Похоже на путешествие во времени, у меня такое уже было. Я что, упала с крыши? Очень холодно лицу, и я понимаю, что меня трясет от озноба.

— Сэм, у нее начинается шок...

Где-то внизу отъезжает дверца фургона. Булочник? А затем доска подо мной начинает двигаться, и сразу же — больно, больно, больно! — все погружается во тьму.

Вой сирены и синий вихрь. Ох уж эти вечные лондонские сирены! Мы движемся. Отблески неоновового света проникают в автомобиль «скорой помощи», исчезают и снова появляются, освещая неожиданно забитый салон и мужчину в зеленой униформе, который, введя какую-то информацию в телефон, начинает поправлять капельницу над моей головой. Боль уменьшилась — морфин? — но после восстановления мыслительных способностей на меня накатывает дикий ужас. Внутри медленно раздувается гигантская подушка безопасности, блокируя все остальное.

— Пгостите?

Мужчина сидит, упершись в стенку салона, и слышит меня только со второго раза. Он поворачивается и склоняется надо мной. От него пахнет лимоном, и он как-то неровно выбрит.

— У вас там все хорошо?

— Я это...

Мужчина наклоняется пониже:

— Простите. Из-за этой сирены ничего не слышно. Мы уже скоро будем в больнице. — Он накрывает

мою руку своей, сухой и теплой, что действует успокаивающе. И внезапно мне становится страшно, что он захочет убрать руку. — Держитесь. Донна, какое у нас расчетное время прибытия?

Я не могу говорить. Язык распух и не помещается во рту. Мысли расплываются и путаются. Интересно, а я шевелила руками, когда меня переносили в машину? Вроде бы я поднимала правую руку, так?

— Я это гарализована? — спрашиваю я шелестящим шепотом.

— Что? — Он практически прижимается ухом к моему лицу.

— Гарализована? Я это гарализована?

— Парализована? — Мужчина секунду колеблется, продолжая пристально меня изучать, затем поворачивается и переводит взгляд на мои ноги. — Вы можете пошевелить пальцами ног?

Я пытаюсь вспомнить, как правильно двигать ногой. Получается не сразу. Похоже, для этого нужно сосредоточиться сильнее обычного. Тогда медик наклоняется и слегка касается пальцев ноги, словно желая напомнить мне, где они находятся.

— Попробуйте еще раз. Вот так.

И сразу же обе ноги пронизывает жуткая боль. Судорожный вздох, скорее всхлип. Мой.

— Вы в порядке. Боль — это хорошо. Ручаться, конечно, не могу, но не думаю, что у вас задет позвоночник. Вы повредили бедро, ну и еще кое-что. — Его глаза прикованы к моим. Глаза у него хорошие. Кажется, он понимает, как мне нужны слова ободрения. Его рука по-прежнему лежит поверх моей. Я никогда еще так сильно не нуждалась в тепле простого человеческого прикосновения. — Правда. Я практически уверен, что вы не парализованы.

— О, злага бозу, — словно издалека слышу я свой голос. Глаза наполняются слезами. — Пжалуйста, не одпузкайте бена.

Он придвигает лицо совсем близко к моему:

— Я вас не отпущу.

И я хочу что-то сказать, но его лицо расплывается, и меня снова окутывает чернота.

Уже после мне рассказали, что я, пролетев вниз два этажа из пяти, закончила свой полет сперва на натянутом над балконом тенте, а затем — на плетеном шезлонге с водонепроницаемыми подушками, принадлежащем мистеру Энтони Гардинеру, адвокату в области авторских прав и моему соседу, с которым я ни разу не встречалась. Я сломала бедро, два ребра и ключицу. А еще два пальца на левой руке и плюсневую кость, которая проткнула кожу и торчала прямо из ноги, напугав до обморока одного из студентов-медиков. Мои рентгеновские снимки завораживают врачей. У меня в ушах до сих пор стоят слова пользовавшего меня парамедика: «Никогда не знаешь, что может случиться, когда упадешь с большой высоты». Да, мне явно здорово повезло. Они твердят мне это и ждут, улыбаясь, что я, наверное, отвечу им такой же широкой улыбкой или, возможно, даже на радостях исполню чечетку. Но я не чувствую себя везучей. Я вообще ничего не чувствую. Я дремлю и просыпаюсь, когда над головой вспыхивают ослепительные огни операционной, а затем снова оказываюсь в тиши палаты. Лицо медсестры. Обрывки разговоров.

Ты видела, какую грязь развела старуха из палаты D4?

Ты ведь работаешь в больнице Принцессы Елизаветы, да? Можешь передать им, что мы знаем, как

управлять отделением неотложной помощи. Ха-ха-ха-ха-ха!

А теперь, Луиза, отдыхай. Мы обо всем позаботимся. Просто отдыхай.

От морфина хочется спать. Они увеличивают мне дозу, и я радуюсь прохладной струйке забвения.

Я открываю глаза и вижу в ногах кровати маму.

— Она проснулась. Бернارد, она проснулась. Как думаешь, нам позвать медсестру?

Она изменила цвет волос, отстраненно думаю я. А затем: ой! это же мама. Но ведь мама со мной не разговаривает.

— О, слава богу! Слава богу! — Мама дотрагивается до крестика на шее. Этот жест мне о ком-то напоминает, но вот о ком — я не знаю. Она легонько гладит меня по щеке. И по какой-то непонятной причине глаза у меня тотчас же наполняются слезами. — О моя маленькая девочка! — Она наклоняется ко мне всем телом, словно желая заслонить от грядущих опасностей. Я чувствую до боли знакомый запах ее духов. — О Лу! — Она вытирает мне слезы бумажным платком. Я не в силах пошевелить рукой. — Когда мне позвонили, я до смерти испугалась. Тебе очень больно? Ты что-нибудь хочешь? Что я могу для тебя сделать? — Она так тараторит, что я не успеваю вставить ни слова. — Мы сразу приехали, как только узнали. Трина присматривает за дедушкой. Он посылает тебе привет. Он типа просто издает какие-то звуки, ну ты понимаешь, но мы-то знаем, что он хочет сказать. О моя девочка, как, ради всего святого, ты попала в такую передрыгу? И о чем, ради всего святого, ты только думала? — Похоже, она вовсе не ждет от меня от-

вета. Все, что мне надо делать, — это спокойно лежать. Мама вытирает глаза сперва себе, затем мне. — Ты все еще моя девочка. И я не пережила бы, если бы с тобой что-нибудь случилось, а мы бы по-прежнему не... Ну, ты понимаешь.

— Нгет... — Я давлюсь словами. Язык заплетается. Точно у пьяной. — Нгет, я не гхотела...

— Я знаю. Лу, ты поступила так жестоко. Я не могла...

— Не сейчас, милая, хорошо? — трогает ее за плечо папа.

Мама замолкает. Отворачивается и смотрит в пустоту перед собой, затем берет меня за руку:

— Когда нам позвонили... Ох! Я испугалась, что ты... — Она снова хлопает носом, прижимая платок к губам. — Бернард, слава богу, что она в порядке!

— Конечно в порядке. Она сделана из резины, эта крошка. Да?

Очертания папиной фигуры расплываются перед глазами. Последний раз мы говорили с ним по телефону два месяца назад, но не виделись целых восемнадцать месяцев, а именно со дня моего отъезда. Папа выглядит огромным и очень родным, а еще отчаянно уставшим.

— Пгостите, — шепчу я. Ничего другого в голову не приходит.

— Да ладно тебе! Мы просто рады, что ты в порядке. Хоть ты и выглядишь так, будто провела шесть раундов с Майком Тайсоном. Ты здесь хоть раз смотрела на себя в зеркало? — (Я качаю головой.) — Помнишь Терри Николса? Ну того самого, что перелетел через велосипед перед «Минимартом»? Так вот, если убрать усы, ты точь-в-точь как он. И в самом деле... — Папа

наклоняется поближе ко мне. — Раз уж ты сама начала...

— Бернард.

— Завтра мы принесем тебе щипчики. Но в любом случае в следующий раз, когда захочешь полетать, лучше давай отправимся на какой-нибудь старый добрый аэродром. Прыжки и размахивание руками в твоём случае явно не работают.

Я пытаюсь улыбнуться.

Теперь они уже оба наклоняются ко мне. Их озабоченные лица напряжены. Мои родители.

— Бернард, она похудела. Не находишь, что она похудела?

Папа приближает ко мне лицо, и я вижу, что глаза у него на мокром месте. А растянутые в улыбке губы непривычно дрожат.

— Милая, она у нас... просто красавица. Уж можешь мне поверить. Просто красотка, черт побери!

Он сжимает мою руку, затем подносит к губам и целует. Сколько себя помню, папа ни разу такого не делал.

Только сейчас я понимаю, что они решили, будто я умираю, и из моей груди вырывается горестный всхлип. Я закрываю глаза, чтобы остановить жгучие слезы, и чувствую на запястье папину мозолистую руку.

— Мы здесь, родная. Теперь все в порядке. Все будет хорошо.

Первые две недели они каждый божий день мотаются на утреннем поезде в Лондон, преодолевая целых пятьдесят миль, ну а затем сокращают число посещений до нескольких раз в неделю. Папа получил